Экономические ли проблемы у капитализма в СССР?

В “Известиях” от 17 апреля 1996 г. была опубликована статья «Россия и Геополитика». В ней, предостережением бывшего президента Bank of England Дж.Стэмпа, по существу были охарактеризованы геополитические цели посткоммунистических реформ в границах бывшего СССР: *«Если вы хотите остаться рабами банкиров и оплачивать издержки собственного рабства, то позвольте им продолжать создавать деньги из ничего и управлять кредитом страны.»*

Как сообщается в той же статье, на оплату ростовщического рабства — “обслуживание” внешнего и внутреннего долга — мы уже отдаем до 30 % валового внутреннего продукта. Происходит это потому, что ставка ссудного процента превышает процент прибыли на капитал в производящих отраслях, обусловленный во многом покупательной способностью рынка и ростом производства в неизменных ценах. И для большинства населения ростовщический гнет “демократии” — более ощутим и тягостен, чем гнет ВПК времен силового противостояния СССР и мира ростовщичества.

Из приведенных в статье фактов, можно понять, что возникший в России в настоящее время финансовый климат — следствие проводимой международными банковскими кругами *финансовой геополитики* в отношении России, явно направленной на финансовое удушение многих отраслей в народном хозяйстве и экономический геноцид населения.

Во время своей поездки по Ставропольскому краю Б.Н.Ельцин в выступлении перед потенциальными избирателями выразил надежду, что, если он будет избран главой государства на второй срок, то это будет воспринято во всем мире как залог политической стабильности в России, вследствие чего в страну хлынет мощный поток инвестиций из-за рубежа. Это, надо понимать, приведет к тому, что реформы дадут наконец-таки долгожданные плоды, вознаградив многолетнее терпение народа.

Так президент по существу высказал предположение, что множество частных инвесторов зарубежья, *вопреки своим финансовым интересам*, включатся в “обслуживание” производящими отраслями России их заведомо неоплатного долга коммерческим банкам страны и зарубежья. Но вся мировая финансовая статистика говорит об обратном: психология серьезных инвесторов отличается от психологии вкладчиков МММ, вследствие чего частные инвесторы вкладывают их свободные средства в развитие экономики тех стран, где производящие отрасли получают прибыль, а не отдают свои доходы ростовщикам из местных и зарубежных коммерческих банков, включая МВФ, Международный банк реконструкции и развития и т.п. (соответствующая статистика опубликована в С-Петербургском региональном выпуске еженедельника “Экономика и жизнь” № 14 от 6 апреля 1996 г. с. 10, 11).

То есть пока в любой стране финансовый климат подобен нынешнему российскому, никаких зарубежных инвестиций в её экономику не будет просто потому, что в митре нет такого количества безграмотных и слабоумных в финансовом отношении, которые вложат свои свободные средства в погашение заведомо неоплатных долгов. Это касается и России, вне зависимости от того, будет ли избран на второй срок нынешний президент или будет избран другой, или же выборы вообще не состоятся.

В случае России положение с привлечением зарубежных инвестиций усугубляется еще и тем обстоятельством, что объем свободных капиталов в мире, ищущих своего приложения, гораздо меньше, чем совокупные потребности насе-

ления 1/6 части суши в обновлении и реконструкции своей производственной базы и инфраструктуры. Это означает, что, если Россия и сможет привлечь даже все свободные капиталы зарубежья в свою экономику и сверх того переманит ещё и часть инвесторов, действующих в настоящее время в экономике иных стран, то результат будет образцово-демонстрационный, но не эффективный в масштабах всего народного хозяйства: отдельные передовые в технико-технологическом отношении предприятия на фоне окружающего их старья, подобно тому, как в "застой" процветали образцово-показательные колхозы-миллионеры на фоне всеобщего запустения в сельском хозяйстве.

Это означает, что прежде чем иностранные инвестиции потекут в страну и станут реальным подспорьем в обновлении образа жизни её народов, в России должен измениться финансовый климат. Какой режим будет при этом в государстве — большинство инвесторов интересовать не будет: финансовые интересы и политиканская демагогия — раздельны; это основной принцип исторически реальной политики на протяжении столетий...

Пока же при всех *благонамеренных речах* (см. одноименное у М.Е.Салтыкова-Щедрина) в результате совместных усилий пришедших к власти политиков демократического толка, их доморощенных и зарубежных консультантов по экономике и финансам, внешних и внутренних кредиторов — *Россия стала неприемлемым местом для приложения труда и капитала* как для отечественных, так и для зарубежных предпринимателей-производственников. В результате, по некоторым оценкам, объем ежемесячного бегства *реальных капиталов* за рубеж больше, чем годовой *объем обещаний* зарубежных кредитов и инвестиций.

Видя всё это, один японский бизнесмен высказался в том смысле, что *вкладывать средства в экономику России — всё равно, что кормить сахаром диабетика* (организмом не усваивается, его разрушает и выходит с мочой). Иными словами, прежде чем претендовать на "сахар" инвестиций из-за рубежа, следует вылечить у себя "финансовый диабет".

Положение усугубляется еще и тем, что методы макроэкономической регуляции, внедряемые в России в ходе реформ и исходящие во многом из современной западной традиции хозяйствования, оказываются неработоспособными в обществе, чья аналогичная традиция была прервана революцией 1917 г. Но и макроэкономический опыт, накопленный в нашей стране после 1917 г., неприменим в рыночной экономике *западного типа*. При этом очевидно, что марксистско-ленинская экономическая наука исчерпала себя ещё к началу 1950-х гг. (см. И.В.Сталин "Экономические проблемы социализма в СССР", с. 18, 19 по отд. изд. 1952 г.), по какой причине и возник *научно обоснованный ею* кризис общественно-экономического развития СССР.

И если даже предположить, что все "буржуазные перерожденцы" покинули ныне действующие коммунистические партии и в них остались только непреклонные сторонники "идеального социализма" без пороков, то перейти к нему ни Г.А.Зюганов, ни другие лидеры не смогут, поскольку не отреклись от "политэкономии" марксизма. Она полна филологических абстракций ("общественно необходимое рабочее время", "прибавочный продукт" и т.п.), которые не поддаются измерению в практике хозяйственной деятельности и бухгалтерски не фиксируемы. Это исключает *возможность контроля и учета* (социализм это — всеобщий контроль и учет: одно из определений-афоризмов) — основу управления и организации саморегуляции в макроэкономике. Но ни Г.А.Зюганов, ни кто-либо другой из лидеров коммунистов (кроме И.В.Сталина) или их противников за всё

время не сказали ничего по существу *элементарной бухгалтерской несостоятельности марксизма.*

Так же очевидно, что и западная экономическая наука проявила свою полную несостоятельность в ходе Российских реформ, создав угрозу самому Западу социально-экономическими проблемами в России. Е.Т.Гайдару и команде организаторов реформ (если они, конечно, не предумышленно злодействовали) следовало не полагаться на авторитет "чикагского рабби" Фридмана, но подумать над словами нобелевского лауреата В.Леонтьева о возможностях экономической науки Запада в оказании консультативной помощи странам иной культурной традиции в налаживании их экономики: *«Мы можем дать им много мудрых советов, но мало методов, которым легко научить и научиться. Однако, последнее и есть то, что им надо.»* (текст выделен нами; В.Леонтьев "Экономическое эссе", М., 1990 г., с. 229 — за полтора года до начала гайдаровских реформ).

Объяснение словам В.Леонтьева отчасти можно найти у другого американского экономиста - теоретика и практика макроэкономики - Дж.Галбрайта: *«Экономика это — наука эмпирическая»* (интервью. программе ЦТ "Очевидное — невероятное") Иными словами, экономика описывает большей частью реальный хозяйственный опыт, выработанный в определенной культурной традиции, обусловленный в ней нравственно и мировоззренчески. Реальный хозяйственный опыт — часть культуры общества, и он — первичен по отношению ко множеству его описаний в экономической науке. Различие прошлого в развитии культур на Западе и в СССР, особенно после 1917 г., исключает возможность автоматического переноса в Россию даже вполне работоспособных на Западе способов управления и саморегуляции во многоотраслевых производственно-потребительских системах. Это касается как описанного в западных теориях, так и общепринятого в западной хозяйственной практике.

Если же говорит об описаниях в науке и тех или иных жизненных явлений, то наука обычно описывает нерешенные проблемы, которые представляют интерес для заказчика, оплачивающего прямо или косвенно деятельность разработчиков теорий. То, что для заказчика интереса не представляет, либо же само собой разумеется в определенной культурной традиции, в научные описания в своем большинстве не попадает.

По этой причине любая социально-экономическая теория представляет собой совокупность: во-первых, сказанного в ней прямо (с использованием принятой терминологии и символьного аппарата) и во-вторых, сопутствующего сказанному по умолчанию (всего того, что "интереса не представляет" и "само собой разумеется", но отсутствуя в прямых описаниях, тем не менее объективно присутствует в жизненных явлениях). Соответственно, если некая социально-экономическая теория вносится в одну культурную традицию из другой, то она будет воспринята в ней не в информационную пустоту, а в *уже сложившуюся систему умолчаний* - всего того, что "интереса не представляет" и "само собой разумеется".

Из теории управления известно, что по причине ограниченной информационной емкости и мощности средств обработки информации невозможно построить информационную систему исключительно на принципах, введенных в нее по оглашению (это определено непосредственно так-то и так-то). Информации, введенной в систему по оглашению всегда сопутствует информация, введенная в неё же по умолчанию (прямо не определено, но опосредованно определено через объективные причинно-следственные обусловленности взаимодействия системы со средой, заложенные в систему при её построении). Соответственно, могут существовать системы класса "троянский конь", в которых принципы, вве-

денные в них по оглашению, в реальном функционировании подавляются принципами, присутствующими в них же по умолчанию.

Сказанное относится и к импорту социально-экономических теорий из-за рубежа: возможна покупка “троянского коня” (византийское вероучение и марксизм — примеры такого рода покупок в прошлом), а *хорошая за рубежом* “рабочая лошадка” может либо утратить работоспособность, либо обратиться в “троянского коня”, попав в иной информационный *климат умолчаний*. Обезвреживание “троянских коней”, которые общество принимает реагируя на свойственную тем информацию по оглашению, в своей основе имеет вскрытие и оглашение свойственных “троянским коням” умолчаний, которые подавляют “наживку” оглашений. Импортные “рабочие лошадки” также адаптируются для работы в новых для них условиях через разрешение неопределенностей “само собой разумения” в системах умолчаний каждой из культур. При этом заодно и выясняется, что имело место: агрессивный ход “троянским конем” или “рабочая лошадка” запряжена в несвойственную ей “сбрую” умолчаний.

В еженедельнике “Экономика и жизнь” № 14, апрель 1996 г. опубликована статья за подписью президента “Инкомбанка” В.Виноградова ***“«Русское чудо» в режиме реального времени”***, в которой высказаны надежды и пожелания на будущее. Приведем из неё некоторые цитаты, дабы потом соотнести оглашения и умолчания.

Первая:

«Будущий президент и его команда должны поддерживать класс творцов нового общества и новой экономики — это предприниматели, начавшие цивилизованно работать, промышленники и банкиры. С ними нужен диалог, им необходимо дать принципиально новые условия для созидательной работы. На них в деле реализации экономических реформ - больше не на кого - должна опираться в России реформаторская власть.»

Вторая:

«... удивляет, что при большом количестве экспертных советов, аналитических центров, созданных для правительства, аппарата Президента, Федерального Собрания, а также многочисленных исследовательских организаций, работающих по заказам экономических ведомств, ... тема конкретного образа экономики России начала XXI века не заняла достойного места в научных исследованиях.»

Третья:

«... общепризнанно, что нужна общенациональная идея, способная сплотить все слои населения для её реализации, консолидировать общество. Такую роль, несомненно, могут сыграть цели экономического подъема страны, обладания современными научными и техническими новшествами, достижения цивилизованного рыночного общества.»

Четвертая:

«... необходима общественная сила, которая авторитетно могла бы взять на себя организацию и общественный контроль за реализацией стимулирующих мер в нашей экономической жизни.»

Пятая:

«... говоря о зримом облике будущего русского экономического чуда, нужно не только определить его характерные черты, но и зафиксировать их в конкретных цифрах. Это могут быть, к примеру, показатели среднедушевых доходов населения, объема производства конкретных видов продукции, доли в ВВП экспортных отраслей, объема валютной выручки от экспорта, доли государственных расходов на наукоемкие производства.»

В первой цитате и промышленники, и банкиры отнесены автором к созидательным силам - творцам нового общества и новой экономики. Это воззрение отечественного банкира не совпадает с приведенным ранее мнением английского банкира, о том, что в отличие ото всех прочих, банкиры в условиях современности являются по существу паразитами-рабовладельцами.

Однако, о полезности коммерческих банков для производства, ориентированного на удовлетворение реальных нужд населения, высказался и Генри Форд - промышленник и предприниматель № 1 XX века - квалифицированный управленец, знающий технологии, технику и финансы организатор производства, честный и во многом добродетельный человек, к третейскому суду которого можно прибегнуть в данном случае, чтобы рассудить банкиров:

«Связь с банкирами является бедой для промышленности. Банкиры думают только о денежных формулах. Фабрика является для них учреждением для производства не товаров, а денег... Банкир в силу своей подготовки и, прежде всего, по своему положению совершенно не способен играть руководящую роль в промышленности... И все-таки банкир практически господствует в обществе над предпринимателем посредством господства над кредитом.»

Из этих слов Г.Форда можно понять, что человек, создавший автомобильную империю, пребывая в длительном конфликте с банковскими кругами США и не прибегая к кредитам, и вовлекший в её обслуживание множество фирм, близко подошедший к рубежу *самодостаточности производства и потребления во многоотраслевом концерне*, предпочел бы жить в обществе, в котором нет ни единого коммерческого банка: *от беды подальше*.

То есть возможно два способа ведения цивилизованного рыночного хозяйства: 1), когда все, включая и государство, находятся в ростовщической удавке заведомо неоплатных долгов, порожденных ссудным процентом и финансовые рабовладельцы ведут “диалог” со своими рабами - предпринимателями-промышленниками и правительственными чиновниками и 2), когда ссудный процент по кредиту во всех его видах объявлен вне закона, а беспроцентный кредит служит для преодоления производствами пиковых финансовых нагрузок, преимущественно инвестиционного характера. То есть в первом случае банковская система работает в режиме корпорации ростовщических контор, а во втором случае — в режиме инвестиционных фондов. В первом случае банковская система является автоматом, запрограммированным на взимание ссудного процента и потому в принципе не нуждается в социальной и макроэкономической аналитике финансируемых ею проектов, поскольку это в ростовщической системе — лишние накладные расходы. Во втором случае, система банков инвестиционных фондов в принципе не может существовать, если в ней нет развитой традиции прогнозно-аналитических разработок, проводимых специалистами, знающими биологию, экономику, технику, технологии, историю и нормы социологии. И чтобы русское чудо было непреходящим, прежде всего необходимо определиться и конституционно закрепить, в каком режиме в России работают банки: в режиме ростовщических контор или в режиме инвестиционных фондов. Соответственно этому выбору должно быть перестроено и всё подконституционное законодательство.

По теме второй цитаты: Предположим, что экспертная группа “Инкомбанка” приносит его президенту социально-экономическую теорию, в которой прямо и без обиняков говорится, что ростовщичество — это мерзость, и то обстоятельство, что в нынешней цивилизации Запада оно срослось с надотраслевым управлением многоотраслевыми трансрегиональными производственно-потребительскими системами, вовсе не делает мерзость благом. Спрашивается:

оплатит ли банкир В.Виноградов дальнейшие конкретные и подробные разработки по антиростовщической экономике России начала XXI века? или разработчикам такой концепции следует поискать или воспитать российского Форда, который не заблуждается в вопросах о реальном продукте, производимом коммерческими банками: кредитно-финансовая удавка, в которой должны жить и работать все не банкиры? А если такая, *уже разработанная концепция* попадет в руки референтов и аналитиков, нанятых президентом “Инкомбанка”, то доложат ли они ему о её существовании?

По поводу третьей цитаты встает вопрос: может ли существовать “общенациональная идея”, способная сплотить рабовладельцев и рабов? или есть некая нация “рабовладельцев” со своей “национальной” идеей и множество наций рабов с их некой многонациональной идеей освобождения жизни от “нации” рабовладельцев? Без внесения определенностей в эти вопросы тезис об общенациональной идее, способной сплотить нацию, есть по существу социально привлекательная наживка на концепции умолчаний “троянского коня” ростовщической “демократии”.

По существу четвертой цитаты можно сказать следующее: *общественная сила, которая авторитетно могла бы взять на себя организацию и общественный контроль за реализацией стимулирующих мер в нашей экономической жизни,* называется мафией, если она не оформлена юридически; если же она оформлена юридически, то она называется *правящая политическая партия*, которая в своем правлении подавляет все политические силы, препятствующие осуществлению избранной ею концепции общественного устройства жизни людей. Исторически реально концепций всего две: концепция рабовладения, которая в своем историческом развитии обрела формы банковской “демократии” западного типа, о чем прямо сказал Дж.Стэмп; и альтернативная ей концепция равенства человеческого достоинства людей, исключающая рабовладение в какой бы то ни было закамуфлированной форме. Соответственно, если в обществе у власти коалиция партий и нет преследуемых партий, то в этом обществе одна и та же концепция распределена своими различными фрагментами по партиям коалиции и согласованно проводится ими в жизнь через свойственную множеству партий принципов политики по оглашению и по умолчанию. Проще говоря: какая партия должна безраздельно править в России - ростовщическая рабовладельческая или по совести братская?

Те действия, о которых говорится в пятой цитате, до 1991 г. входили в обязанности Госплана СССР, союзных республик и планово-бюджетных комиссий Советской власти. По существу, один из ведущих банкиров страны, чье детство прошло при государственной власти КПСС, обсуждает конкретный набор плановых директивных и контрольных параметров и пеняет посткоммунистическому многопартийному режиму, что его органы власти не в состоянии обеспечить формирование вектора целей общественно-экономического развития и организовать саморегуляцию макроэкономической системы страны так, чтобы эти цели успешно осуществлялись. Если этот призыв искренен, то один из ведущих банкиров страны отрицает финансовую геополитику в отношении России, которую проводит на протяжении последних десятилетий хозяева международной банковской системы. Нельзя усидеть на двух лошадках, скачущих в разных направлениях: и всем президентам коммерческих банков придется выбирать между ростовщичеством финансовой геополитики и “Госпланом” России, в новых исторических условиях олицетворенном в совокупности самостоятельных банков - инвестиционных фондов - кредитующих на беспроцентной основе социально

значимые программы в условиях перестроенного на этот режим законодательства.

Прежде чем процитировать еще одно место из статьи президента “Инкомбанка”, обратимся к другой работе, в которой также обсуждаются вопросы рынка в нашей стране:

«... наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учета закона стоимости.

Хорошо это или плохо? Не плохо. При нынешних наших условиях это действительно неплохо, так как это обстоятельство воспитывает наших хозяйственников в духе рационального ведения производства и дисциплинирует их. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников считать производственные величины, считать их точно и так же точно учитывать реальные вещи в производстве, а не заниматься болтовней об “ориентировочных данных”, взятых с потолка. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников искать, находить и использовать скрытые резервы, таящиеся в недрах производства, а не топтать их ногами. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников систематически улучшать методы производства, снижать себестоимость производства (...) и добиваться рентабельности предприятий. (...)

Беда в том, что наши хозяйственники (...) за немногими исключениями, плохо знакомы с действием закона стоимости, не изучают их и не умеют учитывать их в своих расчетах. Этим собственно и объясняется та неразбериха которая царит у нас в вопросе о политике цен.

Надо признать, мы пока ещё не умеем с полной отдачей по современному работать. Ни в одной отрасли, ни в одной сфере, в том числе и в правительственном аппарате. Пока мы себе в этом не признаемся честно, не начнем учиться содержательному интенсивному труду (...), не видать нам прекращения инфляции, твердого рубля, прогресса общества в социально-экономической сфере, благосостояния для каждого. (...) Поэтому необходимо быстро создавать цивилизованные условия рынка, позволяющие формировать цены, способные действительно выступать в качестве ориентиров экономического развития.

Вот один из многочисленных примеров. Некоторое время тому назад было решено упорядочить в интересах хлопководства соотношение цен на хлопок и зерно, продаваемое хлопкоробам, и поднять цены на хлопок, сдаваемый государству. В связи с этим наши хозяйственники и плановики внесли предложение, которое не могло не изумить членов ЦК, так как по этому предложению цена на тонну зерна предлагалась почти такая же, как на тонну хлопка, при этом цена на тонну зерна была приравнена к цене на тонну печеного хлеба. (...) Что бы было, если бы предложение этих товарищей получило законную силу? Мы разорили бы хлопкоробов и остались бы без хлопка.» Это — цитата из работы И.В.Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”, 1952 г. А все подчеркнутое в её тексте — цитата из статьи за подписью президента “Инкомбанка”.

В настоящей работе произведено только одно *демонстрационное* слияние текстов работы современного нам банкира и работы главы государства-суперконцерна 45-летней давности. Если бы объем настоящей работы это позволял, то всю без исключения проблематику и пожелания из статьи банкира можно было разместить в тексте “Экономических проблем социализма в СССР”. Разница между двумя анализируемыми работами только в том, что И.В.Сталин информацию по оглашению и информацию по умолчанию выдает читателю в соответствии с антирабовладельческой концепцией равенства человеческого достоинства всех людей; а президент “Инкомбанка” начиная от оглашения созидательной роли коммерческих банков, что соответствует концепции ростовщического рабо-

владения”, на уровне информации по умолчанию призывает вернуться к решению тех проблем государства-суперконцерна СССР, от которых отмахнулось антисталинское руководство КПСС после марта 1953 г.

То есть на уровне сознания преуспевающий российский банкир - демократ-западник, а в глубинах души — сталинист. Те же, о ком он пишет «мы пока не умеем с полной отдачей по современному работать», то вся история показывает, что работать мы умеем, но мы не хотим, не работаем, и не будем работать на поработителей Именно по этой причине реформы на основе западных рекомендаций топчутся на месте и не дают ожидавшегося эффекта ни Западу, ни России. Это — наследие более древнее, чем эпоха И.В.Сталина — доминанта нашего коллективного бессознательного.

Но то же самое наследие в глубинах души наших преуспевающих предпринимателей-хозяйственников и финансистов означает, что если в современных условиях сталинскую политику общественно-экономического развития страны продолжить, описывая её в немарксистской терминологии и под другими вывесками государственных и общественных структур, эффективно решая проблемы управления экономикой и обществом в целом, то она будет поддержана и наемным персоналом, и предпринимателями производственниками и большинством банкиров. Недовольными ею останутся только те, кто и в глубинах души исповедует свою принадлежность к “нации рабовладельцев”. Но рабовладелец — то же чей-то раб? Может следует поискать, чей он раб?

И заканчивают статью президента “Инкомбанка” слова, с которыми можно согласиться: «Чудеса возможны и в наши дни, если за ними стоят не только прогнозы, но и труд.» К ним остается добавить, что альтернативная ростовщичеству концепция, в которой удовлетворены пожелания президента “Инкомбанка” прошла парламентские слушания 28 ноября 1995 г., но это не получило никакого освещения в средствах массовой информации, в чем выражается их приверженность - по умолчанию - концепции ростовщической финансовой геополитики рабовладения.

23 апреля 1996 г.